

Олег Храбрый Третейский газовый суд

Континентальная Европа обречена на долгосрочную зависимость от поставок газа из России, что открывает перед Украиной как страной-транзитером прекрасные перспективы. Избежать конфликтов в этой сфере, а также обеспечить надежность поставок можно использованием международно-правовых инструментов и созданием многостороннего международного консорциума

Обстановка в мировом энергетическом хозяйстве накалилась до предела, но система международного права уже не даст конфликтам в этом ключевом секторе выйти из-под контроля. Правовая основа для разрешения острых противостояний в мировой энергетике, так называемый Договор к Энергетической Хартии (ДЭХ), была создана в середине 90-х и вступила в силу в апреле 1998 года. В настоящее время членами Договора являются пятьдесят одно государство Европы и Азии, а также Европейские сообщества (Евросоюз). По сути, речь идет о создании энергетической ООН.

С 2002 года россиянин **Андрей Конопляник** занимает в Энергетической Хартии должность заместителя генерального секретаря. Сейчас Хартия как Договор,

как процесс и как организация со штаб-квартирой в Брюсселе занимается не только выработкой правовой базы разрешения и предотвращения конфликтов в энергетической сфере, но и глубокой исследовательской работой, в частности, разрабатывает критерии определения рыночной цены на энергоносители в мире. Новое исследование по ценовой политике в газовой сфере Хартия обещала обнародовать в марте этого года, что само по себе станет важным событием. Корреспондент журнала «Эксперт Украина» беседовал с заместителем генерального секретаря Хартии, чтобы посмотреть на газовые конфликты на постсоветском пространстве с третьей, так сказать, третейской стороны.

— *Энергетическая Хартия — это чисто европейское дело или, может быть, уже глобальное?*

— Есть объективные закономерности развития энергетических рынков. Они формируются на национальном и региональном уровнях, а потом выходят на глобальный. Сначала это происходит по одному отдельному энергоресурсу, например, по нефти. По газу региональные рынки через технологии сжижения тоже выходят на формирование глобального газового рынка. Это приводит к удлинению энергетических цепочек. Производи-



тели оказываются в одной стране, транзит — в другой, потребитель — в третьей. Складываются различные правила игры, увеличиваются инвестиционные риски и возникает потребность в единообразии подходов для минимизации рисков огромных трансграничных инвестиций.

Договор к Энергетической Хартии стал первым многосторонним инвестиционным договором, который минимизирует самые высокие отраслевые риски — риски финансирования и реализации трансграничных энергетических проектов. Но в конце 80-х так никто не думал: хотели просто снизить риски существующих поставок российских энергоресурсов в Европу. А получилось, что благодаря решению этой прагматичной задачи были созданы рамки для формирования единого Евро-Азиатского энергетического пространства. Причем эти рамки могут быть расширены и на другие регионы.

Считается, что Энергетическая Хартия началась с того, что 25 июня 1990 года с этой инициативой выступил тогдашний премьер-министр Нидерландов **Рууд Любберс** (его страна тогда председательствовала в ЕС). Политическую декларацию подписали в декабре 1991-го, а еще через три года подписали юридически обязательный Договор. Но мало кто знает, что в далеком 1977 году на Пятом съезде Польской объединенной рабочей партии Генеральный секретарь ЦК КПСС **Леонид Брежнев** выступил с инициативой об энергетическом сотрудничестве в развитие Хельсинских договоренностей-1975. То есть Советский Союз первым вышел с аналогичной «плану Любберса» инициативой. В 1977-м в СССР начали реализовывать известный межгосударственный инвестиционный проект «газ—трубы», который предусматривал освоение советских газовых месторождений с помощью кредитов и поставок оборудования из западноевропейских стран, причем оплачиваться эти поставки должны были частью выручки от экспортируемого в Западную Европу газа. Однако политических предпосылок для осуществления столь амбициозных планов энергетического сотрудничества в Европе, а тем более на юридически-обязательном уровне, тогда не было: вовсе действовали ог-

раничения на поставки в СССР высоких технологий, в отношении страны было введено первое — картеровское, а затем и второе — рейгановское — американское эмбарго и т. п.

Такие политические возможности появились лишь в девяностых годах. Договор охватывает вопросы инвестиций, торговли (на базе положений ВТО), транзита, энергоэффективности и опирается на существовавшие процедуры разрешения международных споров, в том числе инвестиционных, в рамках институтов Всемирного банка, системы ООН и Торгово-промышленной палаты Стокгольма, а также на Нью-Йоркскую конвенцию 1958 года (о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений). Любой инвестор может напрямую обратиться в международный арбитраж с иском к принимающей стране, минуя национальные арбитражные институты. Правила предельно детализованы, в том числе в отношении выбора судебного органа и арбитров (одна из сторон спора назначает первого, другая — второго, а эти двое судей — третьего), а также слушаний и судебных издержек.

Один из первых подобных исков (шведского инвестора против Латвии) завершился судебным решением на три миллиона долларов в пользу инвестора. Но, повторюсь, само по себе количество исков не является определяющим. Тем бо-

лее выигранных исков. Гораздо важнее перспектива пусть небыстрого и довольно дорогостоящего, но справедливого (нейтрального) судебного разбирательства. Она подталкивает стороны к мирному урегулированию конфликтов.

— *У вас нет ощущения, что Энергохартия не решила главной проблемы — не смогла гарантировать безопасность энергопоставок со стороны России?*

— Я знаю совершенно точно, что одна из основных задач все-таки решена. Для многих правительств, особенно на постсоветском пространстве, Договор стал буквально настольной книгой. Когда он только создавался, был другой Союз, другая Европа. Только в конце 80-х был сформирован механизм функционирования мирового нефтяного рынка, только с 1986-го пошло биржевое ценообразование, сложилась система трех мировых бирж — Лондонской, Нью-Йоркской и Сингапурской, — которая позволила рынку работать в режиме реального времени двадцать четыре часа в сутки. Сейчас в России появились мощные игроки — нефтегазовые корпорации, рвущиеся на внешний рынок. Поэтому всего лишь защита западных инвестиций в этой стране — уже вчерашний день. Еще больше Хартия нужна РФ, потому что защищает те инвестиции, которые могут из той же России идти в другие страны.

От трансатлантической политической декларации — к расширяющемуся единому Евро-Азиатскому энергетическому рынку



Меняется ситуация и в Евросоюзе: рынок становится более либеральным, а это создает новые риски. Один из рисков либерализации связан с тем, что формируются ликвидные рынки. Это вовсе не синоним конкурентных рынков. Они не ведут, как принято считать, к снижению цен. Наши исследования показывают, что ликвидный рынок может приводить к росту цен. Это мы сейчас и наблюдаем.

Один из новых рисков — проблема долгосрочного доступа к транспортной инфраструктуре внутри Евросоюза, когда пункты сдачи-приемки российских энергоресурсов после вхождения в ЕС новых членов оказались внутри европейского сообщества. Эта проблема — ре-

Правила ЕС требуют, чтобы одинаковый доступ получали и долгосрочные поставщики-экспортеры, от которых зависит энергоснабжение Евросоюза, и краткосрочные спекулянты. К примеру, в декабре 2005 года дополнительные мощности газопровода TAG в Италии были поровну распределены между ста сорока девятью фирмами, подавшими заявки, причем абсолютное большинство этих компаний не располагало собственными ресурсами газа.

В итоге требования третьих сторон могут оказаться более значимыми, чем надежность поставок. А поскольку газовая директива по транзиту от 1991 года внутри ЕС отменена, получается, что

Суть спора между поставщиками газа и его потребителями на постсоветском пространстве — какую ренту, Рикардо или Хотеллинга, учитывать. Цены необходимо определять по кривой спроса, а не издержек, поскольку европейский рынок готов поглотить дополнительные объемы газа



зультат комбинации двух факторов. С одной стороны, в ЕС действует принудительное сегментирование энергетического бизнеса, так называемый анбандлинг (unbundling), когда вы не имеете права держать вертикально-интегрированную структуру, в рамках бизнес-единицы объединяющую добычу, собственность на транспорт и так далее. С другой — обязаны предоставить третьим сторонам доступ к транспортной инфраструктуре, так называемый обязательный ТРА (third party access). Это создает риски для объемов и сроков поставки импортного газа в Европу. Требование обязательного доступа к трубе для третьих сторон внутри ЕС приводит к тому, что есть импортный контракт на двадцать лет, обеспеченный ресурсами «собственного» газа поставщика, но существуют и некие конкурентные поставщики, пришедшие, скажем, с вторичного рынка. Их бизнесом является не поставка газа, а, к примеру, торговля временно свободными мощностями или временно свободным «чужим» газом. Они тоже хотят к трубе.

транзит в сообществе никак не защищен. Так что требования поставщиков защитить свои экспортные потоки на территории стран-импортеров абсолютно обоснованы. Ведь чем выше риски, тем больше цена для конечного потребителя, тем крупнее издержки производителя. Обсуждение проблем снижения рисков по всей трансграничной цепочке поставок энергоресурсов, а также выработка соответствующих механизмов — основные задачи хартийного процесса. Конкретный пример — переговоры по Транзитному протоколу, которые стали возможны лишь благодаря тому, что в рамках Энергохартии собираются все представители цепочки — от добытчиков до потребителей.

— *Есть версия, что именно реакция Европы и активность Хартии подтолкнула Россию и Украину к тому, чтобы 4 января прошлого года спешно заключить соглашение по газу.*

— На 4 января 2006-го было намечено заседание рабочей группы Еврокомиссии, но она не имеет никаких рычагов ре-

ального влияния на Россию и Украину. Конечно, мы тоже не сидели сложа руки. Так, 3 января прошлого года наш генеральный секретарь своим письмом напомнил этим двум странам о том, что ДЭХ предусматривает процедуру согласительного урегулирования транзитных споров, и если стороны не договорятся между собой, мы готовы ее запустить. Однако я исхожу из того, что просто сработал здравый смысл. Стороны рассматривали различные варианты перехода на новую, рыночную, цену: звучали предложения доплатить до рыночных тарифов акциями газотранспортного консорциума, можно было взять технический кредит. В любом случае газотранспортная система Украины оказалась бы в заложнике вовсе не у России. Кредит предоставил бы консорциум западных банков.

Предлагались различные механизмы, и я понимаю, что в том цейтноте, когда люди практически ночевали в здании, были приняты, возможно, не самые лучшие решения. Но я не стал бы упрекать в этом тех, кто их подписывал. Я прекрасно понимаю, для Украины 4 января 2006 года имеет почти такое же значение, что и 1 января 1992-го для России, когда были отпущены цены. В то время я работал в российском правительстве, поэтому ощущаю всю полноту ответственности за по-

добные шаги. Но 1 января 1992-го стало своего рода шоковой терапией, которая позволила начать реальную перестройку российской экономики. Думаю, 4 января прошлого года продемонстрировало Украине неизбежность перехода на энергосберегающие технологии, которые до этого момента были экономически невыгодны из-за необъективной, то есть нерыночной цены.

— **А как все-таки Энергетическая Хартия проявила бы себя, если бы стороны (или одна из сторон) обратились к ней?**

— Одна из сторон должна была бы обратиться к генеральному секретарю Энергохартии с тем, чтобы запустить процедуру мирового посредника. Это могла сделать Украина, это могла сделать Россия и вообще любая из сторон, которая считает себя затронутой в споре. Это могли быть и страны-потребители российского газа в Европе. После консультации с государствами, участвующими в споре, генеральный секретарь назначил бы мирового посредника. Причем мы заблаговременно провели предварительные консультации, и получили от украинских и российских уполномоченных лиц одобрение, что в случае запуска процедуры кандидатура мирового посредника всех устраивает. Затем в течение не-

скольких месяцев, которые отводились бы на решение этого спора, были бы назначены временные тарифы на прокачку газа. У нас были сформулированы такого рода предложения. Так совпало, что к осени 2005-го мы завершили исследование методик формирования транзитных тарифов (опубликовано в январе 2006 года). Далее в качестве стартовой точки согласительной процедуры мы предложили бы нейтральное и деполитизированное исследование, которое показывает сумму или сфокусированную выжимку из всех методик и методологий формирования тарифов.

— **Это был бы первый прецедент наднационального решения энергетических конфликтов?**

— Это решение было бы не наднациональным. Его бы приняли сами страны, но в трехстороннем режиме.

— **Как трактовать появление в этой схеме посредника — компании «РосУкрЭнерго» — с точки зрения международной практики?**

— Без посредника здесь было не обойтись. Как «Газпром» может покупать газ в одной стране и продавать в другой? Его тут же начали бы обвинять в том, что он занимается банальной перепродажей. «РосУкрЭнерго» сводит и российский, и среднеазиатский газ все в единый баланс,

ЭКСПЕРТ
УКРАИНСКИЙ ДЕЛОВОЙ ЖУРНАЛ

Міжнародна конференція

**«СОЦІАЛЬНА ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ БІЗНЕСУ.
Як вибудувати відносини з персоналом, громадськістю, владою»**



- Соціальні технології українських корпорацій
- Нефінансова звітність як засіб діалогу з громадськістю
- Світова практика угод про соціально-економічне партнерство між бізнесом та адміністраціями територій
- Місія та позиціонування провідних благодійних фондів України

Оргкомітет: (044) 207-08-83, akasyan@expert.ua, a.perkovskaya@expert.ua
Подробиці та реєстрація на сайті <http://conference.expert.ua>

**Офіційні
партнери:**



и продает Украине. То есть появление в этой схеме третьего участника является экономически обусловленной необходимостью.

— Но все-таки почему Энергохартию до сих пор пытаются использовать каждый в своих целях?

— В договоре Энергохартии двести пятьдесят страниц юридического текста. Я начал детально заниматься ее проблематикой, еще являясь специалистом Госплана СССР, но до сих пор не могу сказать, что знаю Договор назубок. Что тогда говорить о людях, которые не занимаются вопросами Хартии регулярно и профессионально? Они судят о Договоре не по тому, что прочитали в нем сами, а по тому, что о нем написали в прессе. Особенно в западной прессе. Последняя чаще всего интерпретирует его в свою пользу, против России. К примеру, когда спрашиваешь российских чиновников или политиков-оппонентов ДЭХ, чем плох Договор, они говорят, что вот есть такие-то и такие-то пункты, а еще он требует обязательного доступа третьих сторон к трубопроводной системе. Я отвечаю: нет там такого. В документе есть специальный пункт, так называемое Понимание IV.1.(b)(i), который гласит, что Договор не предусматривает обязательного доступа третьих сторон. Но нам продолжают твердить, что предусматривает, путая, очевидно, с правилами ЕС. Некоторые чиновники и политики не привыкли читать оригиналы договоров. Это приводит к мифологизации ДЭХ, то есть заблуждения одной из сторон вынуждают другую бороться с мифами, но в итоге борьба-то ведется не с мифами, а с самим Договором.

Договор к Энергетической Хартии стал первым многосторонним инвестиционным договором, который минимизирует риски финансирования и реализации трансграничных энергетических проектов

Очевидно, что понятие «свобода транзита» не может быть абсолютным, как не может быть абсолютным понятие «демократия». Свободу транзита применить на практике можно только тогда, когда есть прописанная, юридически согласованная и взаимоприемлемая система ограничений этой свободы. Договор как раз и предлагает систему ограничений свободы транзита.

— Все прогнозы указывают на то, что зависимость Европы от импортного газа будет только нарастать. Но при этом существуют различные критерии определения цены на это топливо...

— Если речь идет о механизмах установления цен в рамках долгосрочных контрактов в континентальной Европе, то там все предельно прозрачно. Главный принцип: контрактная цена определяется стоимостью замещения газа конкурентными ему на данном рынке энергоресурсами. В Европе — это импортная нефть и импортные нефтепродукты. Поэтому, когда говорят о непрозрачности цены, то чаще всего речь идет о том, что невозможно точно определить, какой будет итоговая цена, пока ее не рассчитают по вполне прозрачной формуле со всеми не менее прозрачными составляющими.

— Почему именно на постсоветском пространстве постоянно вспыхивают конфликты в отношении того, что такое «справедливая цена»?

— Справедливая цена — какая это цена? Если вы покупатель, то заинтересованы платить меньше. Поэтому хочется обосновать, что цена, которая идет по кривой понесенных издержек, и есть справедливая цена. Но по кривой понесенных издержек она справедлива для России, которая как производитель имеет неограниченный запас этого энергоресурса. А для импортера газа при ограничении мощностей по собственной добыче начинает работать «рента Хотеллинга»: цены должны определяться по кривой спроса. Вот тут и начинается тяжба по поводу того, какая цена справедливая. Как бы ни было печально для импортеров, но именно движение по кривой предельных издержек с выходом на кривую спроса (после превышения объемами потребления объемов мощностей собственной добычи) и является справедливым экономическим переходом в ценообразовании. Европейский рынок емкий и с легкостью проглотит любые дополнительные объемы газа. В этом смысле у России в любых переговорах с государствами бывшего СССР по поводу тарифов есть альтернативная цена — та, что посчитана как нет-бэк от стоимости замещения газа на европей-



ском рынке до российско-украинской, российско-белорусской или любой другой границы.

Понятно, что стоимость импортного газа, если рассчитывать по цене замещающих его на рынке собственных энергоресурсов, для Украины будет намного ниже — здесь очень высока доля атомной электроэнергии. Но у России есть альтернатива: если бы две страны не договорились о цене поставок газа в Украину, она стала бы поставлять эти объемы топлива в Европу, да еще и по более высокой цене. Поэтому обе эти цены замещения (и более высокая, и более низкая) экономически обоснованы, но первая обоснована для России как для внешнего поставщика в Украину, а вторая — для Украины как производителя и потребителя своего собственного газа. При этом если бы Украина стала экспортировать свой собственный газ в Европу (как это было в прошлом), то для нее стала бы экономически обоснованной первая, более высокая цена замещения.

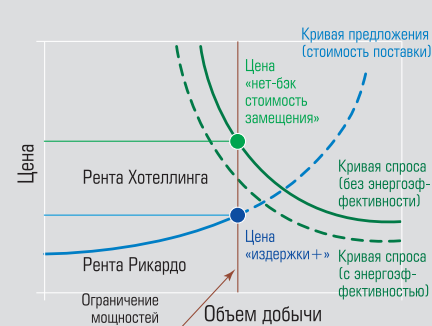
Это очень болезненная дискуссия. Здесь и политику, и эмоции необходимо отложить в сторону. Объективная экономическая теория говорит о том, что цена в пятьдесят долларов за тысячу кубометров в рамках рыночного ценообразования не являлась экономически обосно-

ванной. Это была «политическая» цена, которая определялась в рамках бартера, для сведения баланса поставок газа в Украину. Мы это проходили. Когда я работал в Госплане СССР, я просчитывал цену вопроса, когда мы поставляли на Кубу нефть по заниженным ценам и закупали сахар по завышенным. Это была форма экономического субсидирования дружественной Советскому Союзу страны для того, чтобы не подвергать себя в системе международных организаций санкциям за прямое финансирование того или иного политического режима.

— **Так какой принцип будет доминировать при расчете экономической обоснованной цены в дальнейшем?**

— Это будет зависеть от того, на какой стадии развития рынка мы окажемся. В случае континентальной Европы, которая в своем газоснабжении полностью зависит от дюжины крупных месторождений, абсолютное большинство которых расположено за пределами Евросоюза, вне зоны действия законодательства и вне зоны контроля ЕС, будут продолжать работать долгосрочные контракты. Кредитные институты примут только долгосрочную схему финансирования — разрабатывать уникальные месторождения на базе краткосрочных договоров никто не станет. Исключения

Цена, рента Рикардо и рента Хотеллинга



Источник: Секретариат Энергетической хартии

только подчеркнут правила. Все месторождения, которые сейчас разрабатываются в Алжире, Иране, России, Нидерландах, работают по долгосрочной схеме. Но и в долгосрочных контрактах цена постепенно будет меняться. Возможно, со временем ее формула начнет определяться не привязкой к ценам замещения альтернативных энергоресурсов, а, скажем, в хабах, центрах спотовой торговли газом (на рынке наличного товара и разовых сделок), или даже, как в случае с нефтью, на бирже (на рынке срочных сделок с «бумажным» газом, то есть в торговле газовыми фьючерсами).

ЭКСПЕРТ №8 26 ФЕВРАЛЯ–4 МАРТА 2007



Організаційні партнери



Зареєструйтесь до 16 березня
та отримайте знижку \$100.
Код знижки 101.

ТОП-ФОРУМ Репутаційний капітал формування, управління та оцінка

Все, що потрібно знати керівникам і акціонерам.

Серед доповідачів — провідні спеціалісти з питань репутаційного менеджменту та топ-менеджери зі США, Великобританії, Швейцарії, Росії та України, серед яких:



Рональд Олсоп
(США),
редактор The Wall Street Journal, автор бестселеру «18 непорушних законів корпоративної репутації»



Джеймс Грегорі
(США),
топ-менеджер компанії CoreBrand, фахівець з питань корпоративного брендингу



Тері Хіббіт
(Великобританія),
топ-менеджер компанії Reputation Inc., спеціаліст з питань управління репутацією

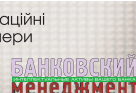
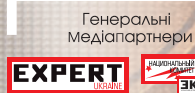


Жан-П'єр Леманн
(Швейцарія),
топ-менеджер компанії The Evian Group at IMD, фахівець у галузі глобальної економіки та інвестиційної політики



Аркадій Пригожин
(Росія),
засновник і топ-менеджер Школи консультантів з управління, спеціаліст з питань формування організаційної культури

11-12.04.2007 ПРЕЗИДЕНТ-ГОТЕЛЬ «КИЇВСЬКИЙ» М. КИЇВ
www.reputationcapital.org тел. +38 (044) 223-89-03, 223-89-04



Все будет зависеть от того, насколько газовая инфраструктура окажется диверсифицированной, станут ли капиталовложения в газовые проекты возможными не только на основе долгосрочных контрактов. В любом газовом инвестиционном проекте самой дорогостоящей частью является создание транспортной инфраструктуры, особенно если осваиваются новые месторождения в отдаленных районах. Когда все производители смогут так же свободно выбирать покупателей, а потребители — поставщиков, как это происходит на рынке нефти, тогда усилится и роль иных, нежели привязка газа к нефти, принципов ценообразования. То есть должен пройти полный инвестиционный цикл создания диверсифицированной инфраструктуры поставок. Рынку нефти на это потребовалось пятнадцать лет после ценового шока (с начала 70-х до середины 80-х годов). Однако инвестиционный цикл на газовом рынке длиннее, чем на нефтяном. Выше и удельные инвестиции, потому что при освоении нового месторождения к нему необходимо тянуть еще и

Европейцы зависят от нескольких крупных месторождений, которые расположены за пределами ЕС. Поэтому на

лее либеральные и более ранние по времени модели газового рынка. Континентальная Европа обречена оставаться связанной долгосрочными контрактами с внешними поставщиками, и в первую очередь с Россией и Алжиром. Эта взаимозависимость будет только усиливаться. Так что роль Украины как транзитера продолжит возрастать.

— *Так каков оптимальный алгоритм встраивания Украины в эту мировую энергетическую систему? В стране идет острая борьба по поводу того, стоит или не стоит отдавать трубу. Не ложная ли это цель борьбы?*

— Украина еще со времен СССР является частью общей системы. Ее проблемы, если таковые возникнут, также будут и проблемами России, и проблемами Европы. Главный вопрос — модернизация ее газотранспортной системы. И решить его наиболее эффективно можно только на многостороннем уровне. Риски таковы, что в инвестиции должны быть втянуты не только страны-производители, но и страны-потребители. Но будет ли открыт доступ на национальный рынок для иностранных инвестиций? Если речь идет о газотранспортной системе, будет ли она находиться в государственной собственности? Если да, тогда модернизация будет проходить либо за счет бюджетных средств, либо под государственные гарантии, либо под гарантии госкомпании «Нафтогаз України». Это будет довольно дорогое заемное финансирование. Предлагалась схема, когда в собственности государства остается контрольный пакет акций — пятьдесят один процент, а остальные сорок девять процентов (или их часть) обеспечивают гарантии возврата инвестиций международному консорциуму. Речь необязательно должна идти только о «Газпроме», это также может быть консорциум с участием Европейского банка реконструкции и развития или Европейского инвестиционного банка, или пула частных кредиторов. В этом случае стоимость финансирования будет ниже. К тому же модернизация и расширение действующей системы гораздо дешевле, чем строительство новой трубы, а правовые механизмы решения и предотвращения конфликтов — самые дешевые.

— *То есть рецепт для Украины — создание международного многостороннего консорциума?*

— Это один из возможных вариантов. Существует мнение, что принятый Верховный Радой закон, запрещающий любые формы манипуляций с газотранспортной системой, был направлен против России. Но когда игроков станет больше двух, то и отношение к этому будет менее эмоциональным. ■

Почему выросли цены на импортный природный газ?

Цена российского газа для Восточной Европы и стран СНГ



Примечание. Показатели представлены исключительно в иллюстративных целях и отражают приблизительные уровни цен.

Цены для Украины и Белоруссии в последние годы:

Украина — цена российского газа: 230 долл./тыс. м³ (2006), средняя цена газа (для смеси российского/среднеазиатского газа): 95 и 130 долл./тыс. м³ (2006 и 2007 годы соответственно)

Белоруссия — цена российского газа: 100 долл./тыс. м³ (2007). Цена достигнет рыночного уровня к 2011 году в соответствии со следующими установленными шагами (67, 80, 90 и 100% с 2008 по 2011 годы).

Условная цена российского газа — для определения объемов газа в качестве компенсации за транзитные услуги:

Украина — 80 долл./тыс. м³ до 1998 года, 50 долл./тыс. м³ в 1998–2005 годах.

Источники: Секретариат Энергетической хартии, Международное энергетическое агентство

более дорогую, чем для нефти, трубу, а в случае сжиженного природного газа — строить завод по сжижению и завод по разжижению газа, а также танкерный флот. Это огромный капиталоемкий бизнес с высокими рисками.

В случае с континентальной Европой была совершенно иная модель развития газового рынка, чем в США или Великобритании. Европейцы зависели и продолжают зависеть от нескольких крупных месторождений, которые расположены за пределами этих стран. Тогда как Соединенные Штаты зависели от освоения множества мелких месторождений газа, а Великобритания — от освоения попутного газа нефтяных месторождений Северного моря. Поэтому там сформировались бо-

европейском газовом рынке еще много лет будут действовать долгосрочные схемы